

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Андрей КРУЗ

РЕЙТАР

**МОСКВА
2018**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К84

Разработка серийного оформления
художника *А. Матвеева*

Круз, Андрей.
К84 Рейтар / Андрей Круз. — Москва : Эксмо,
2018. — 576 с.
ISBN 978-5-04-096337-9

Века назад по этим землям прокатилась страшная война, почти истребившая людей и отбросившая цивилизацию к истокам. Но люди не усвоили урок, они снова грызутся друг с другом за пашню и выгон, чистую реку или торговый тракт. Полки Вольных попали в западню князя Орбеля Валашского, который задумал извести под корень целый народ. Выжил лишь сотник Арвин. Он поклялся отомстить: добраться до Орбеля и воздать ему за злодеяния. Теперь его путь — это черная дорога крови и боли, дорога наемника, готового на все...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Круз А., 2018
© Оформление.
ISBN 978-5-04-096337-9 ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Вольный

1

Стук копыт донесся с улицы, частый, быстро приближающийся.

— Это кто там в галоп скачет? — спросил я, вскинувшись и откладывая в сторону охапку сена, которую собирался закинуть в кормушку гнедой.

— Я гляну! — крикнул Олвин и бросился к воротам конюшни, откуда в пыльное ее нутро врвался беспощадно поток солнечного света.

Сын пробежал мимо меня, встал в воротах, от чего свет словно трафаретом вырезал из действительности его тощую и жилистую мальчишескую фигуру — мускулистый торс, узкие бедра, с которых съезжали широкие штаны и свалились бы, если бы не помочь через плечо.

— Отец, вестник!

И действительно, с улицы донеслась визгливая трель свистка, вынудившая меня броситься следом за сыном. Сел, смуглый и темноволосый сын старосты, мальчишка четырнадцати лет, ровесник моего Олвина, уже гарцевал на тонконогой серой кобыле прямо перед воротами загона, размахивая желтым флажком на тонкой пике.

— Сел, что за шум? — крикнул я.

— Сбор на площади всех вольных! Опять степняки близко!

Голос у него ломался по возрасту, поэтому всю эту короткую речь он умудрился прокричать на разные голоса, от неожиданного баска до визгливого фальцета.

— Ты уже обратно?

— Да, мастер Арвин! — крикнул он. — К Толстому Бэллу загляну, и все.

— Буду! — крикнул я.

Сел толкнул лошадь ногами, и та с места пошла рысью, поднимая облачка пыли копытами. Я посмотрел ему вслед, чувствуя какое-то смутное беспокойство. Кочевники не такой уж большой сюрприз, пару раз в год они возникают неподалеку и нападают далеко не всегда, и то, когда уверены в безнаказанности, но вот сейчас словно что-то засвербило в середине груди, нечто смутное.

— Отец, седлать? — подскочил ко мне с вопросом Олвин.

— Давай, сынок, Шутника седлай, — кивнул я и направился к дому.

Шутник — конек молодой, еще с норовом, ему полезно лишний раз под седлом пробежаться, привыкнуть к хозяйской руке. А вот как привыкнет, тут ему цены не будет, таких коней в окрестностях ни у кого нет. Если бы флажок на пике красным был, то тогда не до выучки было бы, оседлал бы гнедого Кузнеца, мощного и зрелого мерина, обученного и строю, и бою, и сразу на сбор бы отправился, но раз флажок был желтым, то срочности нет. Может, выступим зав-

тра, а может, и вовсе не выступим, а только разъезды отправим, следить, как бы беспокойные наши соседи не начудили. Впрочем, какие они соседи? Перекати-поле, приходят и уходят, разве что приход их обычно мало радости доставляет.

Широким шагом, торопясь, прошел через двор, к дому, большому, низкому, с бойницами вместо окон по наружной стене. Толкнул тяжелую деревянную дверь и очутился во внутреннем дворе. На плетеных травяных циновках, под навесом, играли с кошкой двое детей, девочка и маленький мальчик, дочка и младший сын.

— Папа! — вскочила на ноги семилетняя Лиана. — Возьмешь нас завтра в город?

— В город? — сделал вид, что озадачился, я. — А ты маме помогала?

— Я с Димом сижу! — Она обличающим жестом указала на малыша. — И обед готовить помогала.

— Ну, тогда подумать надо, — развел я руками. — А вообще, княжна моя, не знаю я точно, сбор объявили.

Что такое «сбор», знают даже дети, поэтому Лиана погрустнела и принялась возиться с кошкой. А ведь время самое ярмарочное. Мы коней продали закупщикам армии князя Валашского за хорошую цену, все вокруг торгуют и расторговываются, в городках веселье, все отдыхают. Но долг есть долг, от степняков всего можно ждать. Могут попасть свои табуны и стада вдалеке да и уйти, а могут, если слабинку заметят, напасть. И тогда беда, все сожгут, все разграбят, всех, кого смогут, в плен угонят.

Толкнув дверь, вошел в полумрак горницы, отдал короткий поклон алтарю — маленькой плошке с го-

рящим фитилем, плававшей в чаше с водой, Брату с Сестрой уважение от нашего дома.

Жена возилась у стола, собираясь накрывать стол. Я глянул на нее исподтишка — словно и не было ей сорока лет и пяти детей, из которых боги двоих прибрали в младенчестве. Все такое же гибкое и сильное тело, все так же густы ее светлые волосы, собранные в длинный конский хвост на затылке, и шея до сих пор без единой морщины.

Обернулась, насторожилась. Сразу чувствует, когда что-то не так.

— Полдничать не останешься?

— Заверни что-нибудь, по дороге поем, — сказал я, обняв ее за плечи и поцеловав в пахнущую ванилью щеку. Она еще и булочки испекла.

— Вот булочек закинь пару, их и съем по дороге.

— Сбор? — спросила она. — Я коня слышала.

— Сбор, — кивнул я. — Но пика желтая, особой тревоги нет.

Быстро переоделся из рабочего, пахнущего конским потом, в обычное платье. Натянул сапоги до колена, вышел на двор, отполировал ваксой так, чтобы в них смотреться можно было. Рабочий жилет, что на голое тело носится, сменил на холщовую рубашу, с вышивкой по воротнику — рукоделием дочери. А наверх уже натянул жилет из холстины грубой, почти дерюги, в серо-зеленый цвет крашенный. Без него из дому выходить плохо. В карманах и часы, и платок, и всякие мелкие принадлежности.

Ну и как венец всему, на пояс-патронташ револьвер повесил. Хороший револьвер, кавалерийский, с длинным восьмигранным стволом в две пяди, с рукояткой

из дорогого дерева, на котором мастер вырезал символы Брата справа, а Сестры слева, язык пламени и каплю воды. Вроде как пусть боги направляют руку стрелка.

Я снова поцеловал жену, взяв из рук ее сумку с едой, и вышел из дому, на ходу наматывая шемах. День был жаркий, даже знойный. Когда подошел к конюшне, сын уже заканчивал седлать Шутника.

— К темноте вернусь, — сказал я ему, забирая поводья. — Ты, пока кони в загоне будут, гнедой кормушку перевесь повыше, по грудь, она вроде как прикусывать начинает. Не дело это, со скуки ведь. И дверь денника креозотом помажь сверху, чтобы ей противно было. Затем возьми Ворчуна и учи. Сегодня поворот на месте, а потом на вольтах погоняй, понял?

— Бать, Ворчуна на продажу? — сморщился Олвин.

— А куда же еще? — удивился я. — Для того и растили, к весне в реестровый возраст войдет, надо, чтобы уже учен был. А тебе волю дай, так ты всех себе оставишь, с голоду помрем. Ладно, давай, за старшего остаешься.

Закинув поводья за голову и вцепившись заодно и в гриву, я забрался в седло, чуть толкнул ногами конька. Тот неожиданно резво рванул с места сразу в рысь, застоялся, и я чуть придержал его, заставляя перейти на шаг. До городка десять верст, пусть первую шагом пройдет. Это ведь тоже военная наука, а Шалун хоть и не на продажу предназначен, а повоевать ему наверняка придется. Такая уж судьба у нас, жителей Степи, мирная жизнь нам не суждена, сколько бы мы о ней богов ни молили.

Степь была пуста, хоть за ближайшим холмом у нас соседи — Толстый Бэлл со своим многочисленным се-

мейством. У Бэлла аж пять сыновей, таких же крупных и сложением на быков похожих, как и он сам. Бэлл тоже лошадей разводит, как и я, и еще коров держит. А вот и он сам как раз показался из-за увала с двумя своими старшими. Идут клином, красномордый и бородатый папаша впереди, на массивном жеребце вороной масти, а сыновья, такие же осанистые да усадистые, бородастые, разве что чуток пожиже, по бокам и сзади, все в бледно-желтых шемахах, это у них такой цвет семейный.

Помахав рукой, я свистнул, и сразу же ветер принес ответный сигнал. Три всадника осадили коней, ожидая меня. Поравнялся с ними, поздоровался первый. Сыновья Бэлла поклонились мне, а сам Бэлл руку протянул и показал место справа от себя, мол «присоединяйся». Так и поехали дальше уже строем, в колонну по два. Все определяется правилами или уставом, уж для чего что применится. Мы вот с Бэллом в ополчении взводные, он, как и я в свое время, в кавалерии в Валашском княжестве служил, разве что я чуть позже, он на десять лет меня старше. А в отставку уйдя, подписал обязательство осесть на рубеже Великой Степи, за что освобожден пожизненно и наследственно от всех налогов и податей, взамен лишь выступая буфером между лихими степняками и населенными землями княжества, прорваться куда кочевники спят и видят, вот там бы грабеж был хоть куда. Спят и видят, а наяву никак — вольные поселенцы не пускают.

— А что, мастер Бэлл, не слышал, что за шум?

— Да вроде из Валаша какие-то люди прискакали, слышал тут краем уха, — ответил тот, хмыкнув в бороду. — Поднимают вольных на поход в Степь.

— А почему они? — удивился я.

Такое редко бывает. Обычно нашествия и рейды степняков разъезды вольных первыми обнаруживают, и уже затем мы гонцов шлем в княжество, предупредить о возможной опасности. Рейды мы отбиваем, но ведь иногда бывают и такие набеги, которые иначе как Нашествием не назовешь, и тут уже наших сил может не хватить. А вот так, чтобы известие о кочевниках шло из княжества... Это уже странно.

— Не знаю, мастер Арвин, сам поражаюсь. Но послушаем, что скажут. Все равно дело к учениям, так или иначе, а пора сотню собирать. В степи сушь, степняки для табунов корм ищут, так что от них что угодно ждать можно.

— Это верно, мастер Бэлл, — согласился я. — Думаю, что и разъезды бы в Степь дополнительные послать надо, и молодым опыт, и нам уверенность дополнительная.

— А что, верно, старосте сказать надо бы.

— Если о разъездах говорить, то он уже не староста, а сотник, — усмехнулся я.

— Верно говоришь, мастер Арвин, — солидно кивнул Бэлл.

Пыльная дорога вела нас к городку, вилля между пологих холмов, обходя выветренные балки, окруженная сухой травой, шумящей на тихом ветру. Бешено стрекотали кузнечики, целые стайки мотыльков кружились в непонятном танце над кустами голубых цветов майского глаза, и где-то высоко-высоко, в самом небе, кувыркался и заливался песней жаворонок.

Собрание толпилось перед храмом на просторной базарной площади. Запах пыли, конского навоза и пота, шум голосов, запах табака из трубок, треск разгрызаемых тыквенных семечек, засыпавших своей кожурой всю землю, и теперь эта кожа трещала под крепкими подошвами кавалерийских сапог. Городок вольных собрался на зов.

Староста, а теперь уже сотник, при шнуре, стоял на крыльце храма, о чем-то разговаривая с двумя княжескими офицерами. Один из них в чине первого сотника, второй — просто сотник. Оба в серых мундирах с рыжими кожаными портупьями и красными погонами, в кожаных кавалерийских касках с большими валашскими позолоченными орлами.

В дальнем конце базарной площади возле лошадей стояли солдаты их сопровождения, кавалерийский десяток. Они окликали проходивших девушек и пытались заигрывать, но вполне невинно. Это же не городишко в княжестве, где солдат княжеского войска власть немалая, а городок вольных, тут власть своя, местная, в былые времена добытая боем и кровью, когда поселенцы на окраине Великой Степи противостояли как натиску кочевников, так и жадных владельцев. И, в конце концов, кочевников отвадили без ума нападать, а владельцы тоже сочли за благо не вмешиваться в жизнь поселенцев, удовлетворившись тем, что они прикрывают и берегут границу заселенных земель.

— Вольный люд! — обратился к толпе сотник. — К нам от князя с вестями посланцы прибыли, надо выслушать!

— Давай! Давай! — загомонила толпа, предоставляя слово гостям.

— Спасибо, господа вольный люд! — вежливо обратился к толпе один из прибывших начальных. — Я первый сотник Фарин, из славного войска князя Валашского Орбеля Второго, владыки течения Быстрой и дельты Широкой, владыки двух Забытых городов и земель Междуречья, да благословят его Брат и Сестра на долгую жизнь и новые свершения.

— Давай! Давай дальше! — закричали несколько голосов, подразумевая, что сотник Фарин в своем верноподданническом восторге начал уже kota за хвост тянуть.

— Господа вольный люд! — Зычный сотниковский голос перекрыл крики толпы. — От союзников нам дали знать, что степняки готовят большой набег. Хотят прорвать границу городков и дойти до самой Быстрой. Штаб войска княжеского полагает, что вольным в одиночку не выстоять, а если не выстоите вы, то воевать придется уже на земле княжества, от чего ему разорение и ущерб ожидается. Поэтому Его Княжеское Высочество приказали войску присоединиться к вам и укрепить границу. Если степняки прорвутся, то войско встретит их на рубеже городков.

— Ишь, умные, — аж крякнул Толстый Бэлл. — Мы воюй, а они в тылу «укреплять» будут.

— А чего им на рожон лезть? — спросил скотовод Аржи. — Если мы не остановим, так ослабим, им же проще. А остановим, так все равно в поход ходили, врага побиили, извольте всем ордену отписать.

— Да тут дело такое, — почесал в затылке Бэлл, — товарищ у меня гостил, с верховьев, так говорит, что

княже Орбель многоумный что-то там мудрить начал. Скалы взрывает, рабов нагнал на работу.

— И чего? — насторожился я.

— Подозревает народ, что князь задумал Вертлявую в другое ущелье повернуть, она тогда в Быструю пойдет.

— Погодь, погодь, — нахмурился Аржи. — Пастбища наши от Вертлявой питаются, вся вода в колодцах от нее, небось, тоже. Высохнет степь, если ее отвести. Чем князь думает?

— Головой он думает, — мрачно сказал я. — Если степь сохнуть начнет, то и степняки сюда избегать ходить будут, и нас с земли сгонит. Даже не сгонит, а сами уйдем. Что делать будем, когда ни земля родить не будет, ни трава сок не возьмет.

— Это точно, — подтвердил Бэлл. — Князю мы что зуб больной, и спать не дает, и тронуть страшно. К нам бегут, а мы не выдаем. Издольщики землю бросают и к нам перебираются. В общем, без нас ему лучше было бы.

— А нас куда? — возмутился Аржи.

— На кудыкину гору. И с горы в обрыв. Так лучше всего, — ответил Бэлл. — Орбель монофизитствующим первая опора, а мы сами знаете кто, обновленцы. Первосвященник валашский нашу ересь проклятию еще когда предал? Терпят нас тут, связываться не хотят просто.

Это уж точно, любовью к нам княжеская власть никогда не пылала. А после церковного раскола, что с каждым годом все заметней становится, к этому княжья набожность примешиваться начала. Другое дело, что не будь нас тут, то целое войско на рубеже дер-

жать придется и содержать, а вот если так, с засухой... а пойдут тогда степняки сюда вообще? Вообще-то пойдут, но никто же не говорит, что князь у нас умный. Поблазнилось дураку, что так он одной стрелой двух уток собьет, вот он и суетится в верховьях.

— А может податью обложит такой, чтобы у нас шкура полопалась, — усмехнулся Бэлл. — Если он по своему желанию сможет воду давать сюда или не давать.

— Так прямо на вражду с вольными и пойдет? — удивился Аржи.

— Пойдет или не пойдет, дело десятое, а вот в тех краях ему у плотины крепость поставить с сильным гарнизоном, и демоны ведают, что мы тогда сделать сможем, — сказал Бэлл, сотворив знак богов при упоминании демонов. — Да и горцев нанять никто не мешает в помощь.

С горцами верно, они за деньги служить будут, причем с радостью. Вроде и одного языка с нами люди, а внутри совсем другие. В горах земли бедные, жил народ всегда скудно, вот и грабили друг друга и соседей или на службу нанимались. Воины они хорошие, да народ плохой — и переметнуться могут, и в спину ударить, только своя выгода их заботит. И если возьмутся охранять предгорья, то тогда все, нам и соваться туда нечего, можно в горах и ущельях с ними до окончания времен резаться.

Тем временем слово снова перешло к нашему сотнику. Он крикнул:

— Господа вольный люд! Властью, данной мне собранием, а также согласно приказу полковника объявляю на завтра сбор и поход. Сотня, обоз и ба-